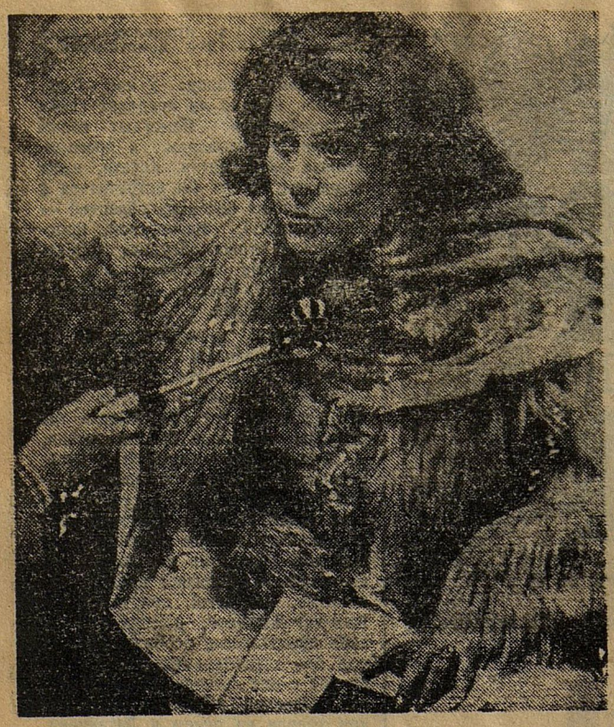


Елена Образцова:

Неделя. — 1992. — февр. (№5). — С. 8.

«НА СЦЕНЕ Я МОГУ БЫТЬ ТИГРИЦЕЙ»

С Еленой Образцовой мы летели одним рейсом в Новосибирск. Среди других пассажиров она выделялась — чисто профессиональной раскованностью, европейским стилем одежды и... дремлющим на ее плече черно-серым пуделько. Обещание встретиться в Москве «после двадцатого» Образцова сдержала. Найти ее в консерватории, где была назначена встреча, не составило особого труда, ибо класс вокала профессора Образцовой знают все. Присутствовать на ее уроках может любой — ради Бога. Только не мешай

Фото Валерия ГЕНДЕ-РОТЕ.

— Елена Васильевна, для всех вы, прежде всего, примадонна оперной сцены, певица с мировым именем. Скромная роль учителя, воспитателя многим может показаться неожиданной...

— Но для меня она закономерна. Со временем у каждого человека появляется потребность делиться тем, что пережито, прочувствовано, учить тому, что сам умеешь делать по-настоящему.

В свое время, когда я была студенткой Ленинградской консерватории, со мной занималась прекрасный педагог, мудрая женщина Антонина Андреевна Григорьева. Она учила меня не только профессиональному пению. Она учила жить так, чтобы музыка, которая жила рядом со мной, стала моей. Я пела легко, когда поступала в консерваторию. А потом, когда надо было учиться вокальной грамоте, «школе», я перестала понимать, чего от меня хотят. И это продолжалось довольно долго. Антонина Андреевна разумно разведывала мои возможности, не торопилась «расковырять бутончик». Она говорила: «Знаете, Леночка, если бутончик расковырять в розочку, она сразу увянет. Бутончик должен расцвести сам». Это стало и моим основным принципом в преподавательской работе.

— Елена Васильевна, много лет подряд вы представляли за рубежом не только советское искусство, но и ту систему, которая к вам, честно говоря, была благосклонна. Как, по-вашему, политика и искусство — понятия совместимые?

— К сожалению, в нашей действительности — да.

— А искусство и коммерция?

— Знаете, артисту нужно дать возможность хорошо зарабатывать, чтобы он не думал постоянно о куске хлеба. Ведь очень редко бывает, чтобы цель зарабатывать деньги совпадала с другой целью — развивать свой талант. В молодости, еще студенткой, я подрабатывала себе на жизнь концертами, стипендии в 22 рубля не хватало. Тогда за каждый выход платили по 5 рублей. Но это был труд не ради денег. Пела я не что попало, а постоянно разучивала какую-то новую арию, оправдывая перед Богом свои попытки заработать деньги.

— Говорят, бедность — не порок. Некоторые считают, что человеку стоит пройти через такой этап в жизни...

— Это сложный вопрос. Сразу не ответишь. Бедность очищает. Но она же унижает, уничтожает морально. Я была бедной в молодости. Война, голод. Отец пришел домой только через год после Победы. Уже позже, когда я принесла из родильного дома свою дочь, у меня не было кроватки, куда ее положить. Но всегда нужно стараться вырваться из бедности ради себя, ради будущего своих детей. Нужно трудиться и трудиться, но забота о куске хлеба не должна занимать мысли и чувства. Хотя даже сейчас я прекрасно могу понять бедного человека. От этого нельзя отворачиваться.

— Наша жизнь страшна, и вы часто бываете за рубежом. Вам никогда не приходила в голову мысль жить там, ну хотя бы ради будущего своих детей? И вообще, как вы относитесь к эмиграции?

— Мне предлагали остаться жить во многих прекрасных странах. Не раз предлагали. Но я — русская, и моя Родина здесь, как, впрочем, и у моей дочери. Я знаю многих, кто уехал. И многие из них там просто не состоялись. Уезжали, охая: все, хотя имели здесь прекрасные возможности для жизни и творчества.

Есть, конечно, и другие примеры. Один из лучших моих друзей, Рудик Нуриев, прекрасный танцовщик, эмигрировал много лет назад. У него была для этого действительно серьезная причина: не давали танцевать. Это была трагедия. Позже к нему не выпустили для лечения в клинике больную мать. Это уж вообще кощунственно. Но даже после этого он не ожесточился против родины. Я ни разу не слышала от него слов проклятия в адрес своей страны. А ностальгия его мучает страшнейшая.

— Вы пели со многими всемирно известными певцами...

— ...Не со многими, а со всеми.

— Какой из концертов вам запомнился больше всего?

— Долгое время мечтой моей жизни было спеть «Реквием» Верди. И вот наступил момент, когда я дала согласие исполнить его в Ла Скала. Репетировали мы с Аббадо. Работали долго, часа три или четыре. Потом он провел спевку с солистами. Потом была одна-единственная репетиция с оркестром. И настал вечер, которого мне не забыть никогда. В церкви Сан-Марко, где «Реквием» впервые прозвучал под управлением самого Верди, собралась огромная толпа, около четырех тысяч человек. Со всего Милана стекались сюда люди. Мне не забыть, как пели Паваротти, Гяуров, Френи. За три минуты до конца у Аббадо сбилось дыхание, он побледнел, и я подумала: все, сейчас он умрет... Но вот музыка кончилась. В церкви присутствовал папа Павел VI. Он долго не уходил, аплодировал. Вообще таких оваций я не слышала никогда в жизни.

— Знакомы ли «звезде» проблемы и трудности обычных людей?

— У меня те же бытовые проблемы, что и у всех. В последнее время, идя по улице, я ловлю себя на мысли, что не вижу людских глаз. Это страшно. Люди становятся безликими. Специально в последнее время даю много концертов в других городах, чтобы хоть как-то помочь людям выжить. В этом я вижу свое предназначение на данном этапе жизни.

— Искусство, конечно, помогает выжить. А что еще помогает человеку выстоять, не сломаться под напором обстоятельств?

— Прежде всего, у человека должна быть Любовь. Рядом должен быть любимый человек, друг. Тогда многое можно сделать, со многим справиться. Поверьте мне, я сужу по себе.

— Однажды великий дирижер нашего времени Клаудио Аббадо назвал вас «животным сцены».

— И я сама так чувствую. Именно на сцене я хозяйка, я сильная, я могу быть тигрицей. А в жизни я гораздо слабее. В жизни я еще не устоялась и не знаю, устроюсь ли.

— Для вас музыка начинается с партитур, с нот?

— Нет. Музыку я должна «услышать» одним лишь чувством. Это самый важный, решающий момент в моих с нею отношениях. Когда я «выныриваю» из этого погружения, я уже точно знаю, полюбила музыку или нет. Буду я ее петь или нет. Если я музыку полюбила, я ей покорюсь вся. Музыка мне не покорилась еще ни разу. Всегда только я — ей. И когда я чувствую, что она меня берет, я счастлива. Тогда я включаю рассудок и начинаю работать сознательно. Учу ноты, думаю о фразе, о произношении. Слушаю другие исполнения.

— А что, в таком случае, для вас профессионализм?

— Это когда голос слушается меня почти так, как я хочу, когда мне почти не нужно думать, как взять ту или иную ноту, когда я могу выучить большую партию очень быстро. За две—три недели. А иногда и в считанные дни. Это профессионализм.

— А вас не беспокоит, что, становясь все профессиональнее, вы теряете в живом чувстве?

— Вообще такая опасность существует. Иногда я думаю: человеческий голос — вроде бы нехитрый инструмент. На самом деле он очень сложен. Потому что голос — это сам человек. Голос теснейшим образом связан с его природой, психикой, интеллектом. Поэтому большие певцы — такая редкость! Но певца многое может погубить. Зло многолико, у него много имен. Например, самодовольство. Когда утрачивается способность восхищаться кем-то, учиться у других. Душа тогда как бы стирается.

— Можно иметь роскошный голос и не быть музыкантом?

— Сколько угодно таких примеров. И наоборот. Мария Каллас — великий музыкант, но не обладала выдающимся по тембру голосом.

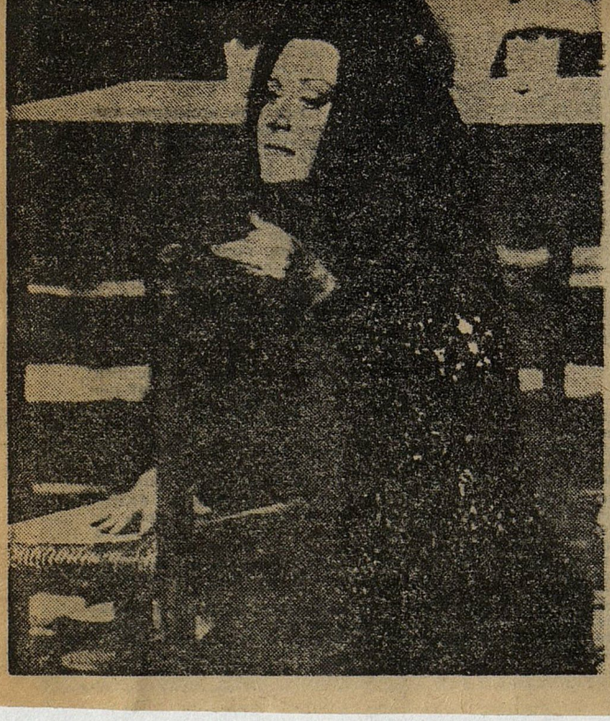
— Елена Васильевна, мы с вами познакомились в самолете. Вам часто приходится летать?

— Да, время расписано по дням и по часам. Но я не устаю, нет. Появляется даже какой-то азарт.

— Скажите, а пудель, летевший вместе с вами,— это ваш живой талисман?

— Да нет. Это был чужой пес. Я очень люблю собак, хотя раньше симпатизировала кошкам. Для меня общение с собакой — это какая-то связь с космосом. Люблю их за ум и преданность.

— Елена Васильевна, вы верите, что все мы выберемся из той ямы, в которой оказались?

— Верю. Все имеет начало, но все имеет и конец.

Беседу записала
Р. ЗИАНГИРОВА.